

Она улыбнулась, назвав меня пустомелей, и добавила, что всё это лишь морок, бояться нечего.

Затем я почувствовал холод на плече. Оглянувшись, я увидел, что она похлопывает меня.

Я был поражён: она действительно могла до меня дотронуться!

Я спросил, как это возможно.

Она довольно усмехнулась: после свадьбы она стала наполовину человеком, так что всё изменилось.

Я с грустью заметил, что она сильно переменилась, и мне от этого стало как-то не по себе.

Она хмыкнула: вечно ты удивляешься пустякам.

С этими словами она обернулась.

В одно мгновение она превратилась в невесту.

На плечах — роскошная накидка с вышивкой, голову венчает красный шёлковый платок. Кисти на нём покачивались, выглядело это очень красиво.

Я остолбенел, а потом пробормотал, что она прямо как стримерша, меняющая наряды — так быстро.

Она поторопила меня переодеться. Я задумался: у меня ведь и свадебного халата нет.

Пришлось на цыпочках пробираться через горы хлама к шкафу.

Я долго рылся, выбирая хоть что-то отдалённо праздничное и красное.

Я попросил её отвернуться, пока я переодеваюсь.

— Ты мой муж, чего я там не видела? — ответила она.

Я подумал — и правда.

Но я был невинным юношей и до сих пор никогда не раздевался перед девушками, тем более перед такой красавицей.

Хоть мы и стали мужем и женой, и секретов между нами быть не должно, я всё равно стеснялся.

Заметив моё смущение, она сказала: ладно-ладно, отвернись, доволен?

Видя, что она послушно повернулась спиной, я наконец решился переодеться.

На ней был красный платок, я думал, она ничего не видит.

Кто бы мог подумать, что она умудрится повернуть голову на сто восемьдесят градусов, подглядывая через щель в платке. Уследить за ней было невозможно.

Она высмеяла мою полноту, а я покраснел, как мартышкин зад.

Наконец, я натянул одежду.

Полночь.

Я взял её за руку и, стоя перед листком туалетной бумаги, на котором были написаны наши Восемь иероглифов судьбы, с почтением воскурил три благовонные палочки.

— Предки, внимайте! — провозгласил я. — Янь Мин, восемьдесят второй потомок рода Янь, сегодня беру в жёны супругу. Прошу вас засвидетельствовать наш союз.

Пробормотав это, я потянул её за собой, и мы опустились на колени, поклонившись небу.

Не успел я договорить, как три палочки погасли.

Я спросил: что происходит?

Она холодно хмыкнула: твои предки против.

Услышав это, я похолодел. Дела плохи! Я было собрался вскочить и сбежать, пока не поздно.

Но не сдвинулся с места.

Ответственность всё же взяла верх. Раз дал слово — назад не отступлю.

Но идти против воли предков — значит проявить несыновнюю почтительность.

Беда — полбеда, но если гнев небес навлеку, мало не покажется.

Что же делать?

— Знаю, ты волнуешься, — сказала она. — Не спеши. Если мы, муж и жена, будем едины, то и горы свернём.

— Ты гений, — ответил я. — Согрела мне душу, только вот волноваться не перестану.

Она хлопнула в ладоши: продолжайте играть и танцевать!

И тут же комнату наполнили звуки музыки.

Сына завывала так надрывно, что у меня сердце сжималось, а к горлу подкатывала тошнота.

Кто же этот мастер, что играет так тоскливо?

Сына впереди, призраки позади. Это была настоящая Мелодия Упокоения Душ.

Я обернулся и увидел, что это всё её приспешники.

Духи тех, кто погиб насильственной смертью, самозабвенно исполняли погребальную музыку, бросая вызов воле моих предков.

Словно по зову, в гостиной поднялся ледяной вихрь.

Я почувствовал могильный холод и поёжился. Не успел я опомниться, как раздался резкий треск.

Внезапно поднявшийся ветер закружил обломки, превратив гостиную в эпицентр маленького смерча.

От пыли я не мог открыть глаза, и мне стало так страшно, что я едва не наложил в штаны.

С неба хлынул ливень, сверкнули молнии.

Я был в ужасе, обхватив голову руками. Предки решили меня покарать!

Сяоцянь вцепилась в мою одежду, не давая сбежать.

Под красным платком её прекрасные глаза были слегка приоткрыты, а свободной рукой она чертила в воздухе заклинания, что-то шепча.

Всё вокруг рушилось с грохотом.

Лишь тот самый листок бумаги, словно вросший в землю, держался крепко.

Его не разорвало ветром.

Никто не заметил, как он слабо засветился, будто обрёл душу.

Стены моего дома рухнули одна за другой.

Раздался грохот.

Последняя стена тоже не выдержала и развалилась надвое.

Мамочки! — в ужасе закричал я.

Мой дом... всё, что могло упасть, упало. Уцелел лишь старинный, покрытый налётом унитаз, который стоял незыблемо посреди бушующей стихии.

Когда буря утихла, я оглядел руины и погрузился в раздумья.

Видя, что я так и сижу на коленях, она отвесила мне пощёчину.

— Продолжай!

Честно говоря, я был в шоке. Разум отключился, тело меня не слушалось.

Поэтому, когда она сказала продолжать, я покорно согласился.

— Не бойся, всё позади. Я уже разобралась с твоими предками.

— Знаю. Но в одном я не уверен.

— Хотел спросить, не поздно ли мне передумать?

— Мечтай больше.

Она наградила меня ещё одной оплеухой и позвала призрака, от которого после удара молнии осталась только голова, чтобы тот дочитал клятву.

Я прикрыл рот рукой, чувствуя полное отчаяние.

Никакого авторитета в семье! Сегодня она меня бьёт, а завтра на шею сядет?

Я смирился и опустился на колени для продолжения церемонии.

Призрак механически крутил шеей, слышался неприятный хруст.

Его глаза были пусты, голос звучал отрывисто, словно тёрся о горло.

— Поклон первый — небу и земле!

— Поклон второй — предкам!

— Поклон третий — супругам!

— Хе-хе-хе!

После свадьбы я почувствовал, что повзрослел.

И дело не во внешности, а в душевном состоянии.

Я назвал это... грузом жизни.

Невидимая ноша. Ответственность.

Я прибрался в этом подобии сирийского поля боя. Это был наш уютный домик, пусть и превратившийся в руины.

Очевидно, что жить в доме без стен было невозможно.

К счастью, на заднем дворе стоял заброшенный амбар.

Там мы хранили всякую всячину, зимние запасы и инструменты.

Мы с Сяоцянь перетащили туда уцелевшую мебель.

При уборке я нашёл вяленую рыбу, которая висела под балкой восемнадцать лет.

Она даже не испортилась.

Я хотел было выбросить её, но стало жаль.

Это было последнее напоминание о жизни с отцом, да и места она почти не занимала, так что я оставил её.

Остальную утварь — чашки, палочки — я просто смёл веником в кучу и выбросил.

Пользуясь случаем, я вычистил амбар.

Там годами никто не жил, всё было в пыли и паутине, а в углу высились горы зерна и батата.

Стоило что-то сдвинуть, как пыль поднималась столбом.

Амбар продувался всеми ветрами, и пыль лезла мне прямо в нос.

Я чихал так, что глаза на лоб лезли.

Полдня ушло на уборку.

Сяоцянь тоже не бездельничала — обустройство свадебного гнёздышка дело общее.

К вечеру мы кое-как привели всё в порядок.

В девять вечера я наконец смог лечь на кровать и отдохнуть.

— Устал? Есть хочешь? — она лежала рядом, подперев голову рукой.

Я не чувствовал голода, но стоило ей спросить, как живот тут же заурчал.

— Может, лапши сварить?

Я попытался приподняться, но пара ледяных рук удержала меня.

— Не двигайся. Я сама.

Она прошептала это и выпорхнула наружу.

Я был выжат как лимон и послушно закрыл глаза.

Из кухни доносился шум кипящей воды, и под этот звук я незаметно уснул.

Сон был крепким. Не знаю, сколько времени прошло, но сквозь дремоту я услышал, как кто-то меня зовёт.

Подумав, что это Сяоцянь, я открыл глаза. Яркий свет ослепил меня. Я прикрыл лицо рукой, а когда привык, увидел, что вокруг всё серое и ничего не разобрать.

Вдруг повеяло холодом, я обхватил себя руками, зубы начали выбивать дробь.

Затем я услышал низкий мужской голос:

— Оболтус, иди сюда!

Я потёр глаза и невольно выдохнул:

— Папа? Как ты здесь оказался?

Отец стоял передо мной в том самом даосском халате с символом тайцзи, в котором его похоронили.

— Ну что, сорванец, пришёл посмотреть, каких глупостей ты наделал.

— Отец, иди с миром, я уже взрослый!

— Взрослый ты мой... Именно потому, что ты такое говоришь, я за тебя и не спокоен!

— ...

Отец, ну серьёзно.

Я же твой родной сын. Давай хоть немного достоинства сохраним.

— Если хочешь, возвращайся, — сказал я. — Приди и отлупи меня, если руки чешутся.

Отец замолчал.

Я тоже. Я не ожидал, что он вернётся, думал, его Божественная душа давно развеялась.

Я знал, что отец хранил много тайн, и у меня была куча вопросов.

Но тысячи слов застряли в горле.

Отец молча подошёл и, как в детстве, погладил меня по голове.

Я не сопротивлялся. Но в отличие от прошлого, я отчётливо чувствовал: его ладони холодны, как лёд.

Я огляделся и увидел, что вокруг царит пугающая тьма.

Холод проникал под кожу, пробирая до самых костей.

Это место было похоже на Юмин.

И голос отца звучал так, словно его душа уже перешла в царство теней.

То приближаясь, то отдаляясь.

<http://bllate.org/book/20634/2063868>